

Фестиваль

В сентябре на воле, на краю села,
на Словенском поле¹ роза расцвела.

Рокот многозвучный струн и голосов
наполнял «Нескучный садик» пять часов.

Складны ли куплеты? Строфы строги ли?..
Барды и поэты мимо розы шли.

Как в минуту жажды никнут к роднику,
наклонялся каждый к алому цветку.

Всяк дивился чуду, дух его вдыхал:
песенному люду он милей похвал.

Шли домой, согреты верою в успех,
барды и поэты—каждый лучше всех!

Мёртвое и живое

Ржавое железо уязвляет взор,
будто кровь с пореза раненый не стёр.
Жёсткости мерило—мертвенный металл—
ржавчина смирила: сущим тленом стал.

К соснам порыжелым льёт кукушкин лён,
деревом замшелым взгляд не оскорблён.
Срубку вековому тоже личит мох—
как живой к живому, прикипел-присох.

Жизни нет предела—тем и хороша.
Лишь бы не ржавела с возрастом душа.
Скрыт конец дороги в сумраке глухом,
где свои ожоги лес бинтует мхом...

Время

Пускай тебя любовь твоя обидой ранит за обиду,
как ранят острые края осоки, беззащитной с виду,—
вернись на сто обид назад и хоть по пальцам перечисли
те дни, когда звучали в лад, казалось, даже ваши мысли.

Пускай провалам счёту нет и полагаешь виноватым
в недостижимости побед не слабодушие, а фатум,—
представь историю страны в её рубежные моменты:
в большом огне обретены цвета георгиевской ленты.

Пускай сознание тяготят в песок посеянные годы
и топит опыт, как котят, надежды на благие всходы—
с мостков, разрушенных до свай, забыв, что время нефартово,
из ила жизни вымывай мгновенья века золотого.

Красота

Цветок исполнен чар; залётная пчела,
приняв его нектар, взамен передала
желанную пыльцу от сродного цветка.
Земле цветы к лицу; без них она горька.

Закон природы прост: обмен, а не обман.
У сада певчий дрозд—в разносчиках семян:
он ягодки клюёт, а косточки плодов
пускает в оборот для завтрашних садов.

С реальностью вразрез придумано людьми,
что на земле чудес не более семи.
Диковин полон свет; заметь их, назови—
раскроются в ответ признанию в любви.

Венцом земных красот замыслен человек,
и красота спасёт межзвёздный наш ковчег.
Уйти с душой пустой не смею, не могу:
я перед красотой пожизненно в долгу.

Зоркость

Развалины древней постройки
вросли в островной краснозём...
Лишь оттиски времени стойки
на камне, на глине—на всём.

Руины у кромки лощины
сливаются с рыхлой скалой.
Скалу испещрили морщины,
как патина красочный слой.

А сверху на что же похожи
долины, предгорья, хребты?
На складки стареющей кожи
походят они с высоты.

Но, с юности помня о чуде
и в небо взлетая за ним,
любуются зоркие люди
морщинистым ликом земным.

.....
1. Словенское поле—обширный
луг близ Изборска, исторически
значимое место.

Артефакты

Меж трёх морей возвысившийся остров,
ты чем привлёк меня издалека?
Не тем же, что пополнил свору монстров
гибридом человека и быка.

Не пляжами, где даже и без кремев
сентябрьский ветер обгореть не даст.
Не тем, что чтил тебя Иван Ефремов,
любимый в пору юности фантаст.

Но тем, что люди, вечно занятые,
взрастили здесь плоды (им нет числа),
которые Эллада—Византии,
а та уже—Руси передала.

Но, через третьи руки принимая
наследие державы островной,
я чувствую, что есть и связь прямая
меж древностью чужою и родной.

Сличите артефакты на досуге:
от Кносса до Тобольского кремля
одно лицо—богиня-Мать на юге
и северная Мать Сыра Земля.

Секрет

Тысяча снимков из краткой поездки.
Лишь на одном—драгоценный кулон.
Вынесло золото древней подвески
то, что не выдержал камень колонн...

Мастер из Малии² сканью и зернью
выложил пчёл над цветком луговым,
чтобы гордилась пред знатью и чернью
царская дочь амулетом своим.

Символ слиянья природного дара
с бережным знанием тайн ремесла:
пчёлке-приёмщице каплю нектара
передаёт полевая пчела...

Боги явили последнюю милость:
память о царстве Минойском жива.
Сто пятьдесят поколений сменилось,
лишь неизменна цена мастерства.

Вижу в музее земли закордонной,
залы которого редко пусты:
мастер из Малии ждёт за колонной.
— Брат, передай мне секрет красоты!

.....

2. Малия—городок на севере Крита. Близ Малии находятся руины минойского города, с дворцом, сравнимым с Кносским.
3. Глипт—камень с резным художественным изображением на нём; камея, гемма.
4. Афинская агора—городская площадь Афин, в древности являвшаяся местом общегражданских собраний.

Ночлег

До чего сильна природа! Полновесная луна
от заката до восхода полстраны лишает сна.
И задолго до прогноза в запоздалых новостях
буря, вечная угроза, отзывается в костях.

Но и малости земные впечатляют, как и встарь:
веселят цветы лесные; огорчает в роще гарь;
перелётная пичуга, неприметная на вид,
песнопениями юга северянина дивит...

Всё заметнее сутулость, всё растерянное взгляд.
А родная улыбнулась—и напасти меньше злят.
На успех надежды зыбки, но душа опять легка
от сочувственной улыбки, от согласного кивка.

Как дрозды верны гнездовью, верен дому человек.
Согревается любовью лишь единственный ночлег.
Вот и я за эти годы убедился, что она
если не сильней природы, то по силе ей равна.

Смена

Ценители минойского искусства
уверены, что образам его,
будь это человек иль божество,
предписано смягчать людские чувства.

От ужаса, от низменных страстей
избавлен созерцатель артефакта,
в котором откровенность чувством такта
уравновесил мастер-чудодей.

На фреске, на керамике, на глипте³—
в любом творенье критском не найти
брутальных сцен, которые в чести
и в Междуречье были, и в Египте.

Сюжеты «настоящих мужиков»,
ценимые в художественном цехе:
война, охота, плотские утехы,—
не трогали минойских мастаков.

Иль был на то запрет? И я представил
уклад, где волей Матери-Земли
закон и нравы женщины блюли,
мужчины лишь придерживались правил.

Ослушник оставался не у дел...
Не думал, что секрет критян раскрою,
пока в Афинах, рядом с агорой⁴,
художниц молодых не углядел.

Они вдвоём расписывали стену.
Ещё вчера стена была сера...
Когда со сцены сходят мастера,
приходят мастерицы им на смену.